

Эволюционный аргумент в пользу христианства

Жертва, целомудрие, семья, народ и выживание культуры

«По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16).

Эволюционный аргумент в пользу христианства не доказывает Бога прямым образом. Чтобы рассмотреть нечто великое, нужно взглянуть на отдельные элементы или проявления.

Характер этих проявлений позволяет исследовать целое.

Как это применимо к христианству. Если мировоззрения судить по плодам, по тому, каких людей, семьи, институты они производят через поколения, христианство показывает удивительную эффективность и полезность. В некоторых вопросах гораздо больше, чем современный европейский путь индивидуализма.

Чему учение учит человека? Может человек любить, хранить верность, рожать и воспитывать детей, работать, защищать землю, прощать, строить вокруг себя мир? Или оно красиво говорит о свободе, но приводит к одиночеству, поздним бракам и усталости?

История не спрашивает, насколько изящно мировоззрение звучало. Она спрашивает другое: что осталось, что было создано и что победило.

2. Проверка плодами.

Когда общество теряет рождаемость и постепенно вымирает, возникает повод задуматься. Оно должно спросить: что привело к этому? Какой путь доказывал свою успешность?

Христианство не истинно просто потому, что оно полезно. Но если оно правдиво понимает человека, неудивительно, что при проживании оно дает более силы в передачи жизни, чем учения, построенные на ложных ценностях.

Это и есть аргумент от плодов. Не только «кто сильнее, тот прав». Не только «у кого больше детей, тот свят». Но если мировоззрение поколениями разрушает семью, волю к жизни и передачу культуры, не ошибается ли оно в самом человеке?

2. Докинз, ген и мем: светский язык против стерильной культуры

Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген» предложил смотреть на организмы как на машины выживания для генов. Посмотрим на христианство с точки зрения холодного атеизма. Если принять позицию Дарвина и Докинза, передача жизни перестает быть второстепенной темой. Это главная цель живого организма.

Библия говорит: «Плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1:28). Может это и не грубый биологизм, но это утверждение, что жизнь, благословение, семья и наследование находятся у основания человеческого призвания.

Докинз ввел и слово «мем» - культурный аналог гена. Мем передается через язык, подражание, воспитание, ритуал, школу, семью и память. В этом смысле христианство - не просто идея. Это меметическая система, которая создаёт собственных носителей: семьи, общины. Создает свой культурный код: праздники, молитвы, школы, больницы, привычки, песни, книги.

Конечно, христианство не единственный сильный мем. Ислам, иудаизм, конфуцианство, национальные идеи, либеральные идеологии и даже революционные утопии тоже создают своих носителей. Но именно поэтому критерий плодов важен: мало распространиться; нужно ещё понять, какого человека и какое общество этот мем выращивает.

Слабый мем льстит: бери, пока можешь. Сильный мем формирует человека: отдай себя - и будешь жить. Слабый мем продаёт свободу без формы. Сильный мем создаёт форму, в которой свобода не гниёт в каприз.

Христианство сильно именно этим. Оно учит, что тело имеет смысл, брак - не временный контракт, дети - не аксессуар, страдание иногда имеет смысл, прощение выше мести, а человек измеряется не только желаниями, но и жертвой.

3. Лёгкий путь: почему секуляризм побеждает быстро и проигрывает долго

Секулярный индивидуализм часто побеждает не потому, что он глубже, а потому, что он легче.

Он похож на вредную еду, бесконечные короткие ролики и удовольствие без сопротивления. Сначала снимает нагрузку. Потом разрушает способность принимать борьбу и трудности жизни.

Культура делает то же, что человек. Сначала выбирает комфорт, автономию, развлечения и сексуальную свободу без завета. Потом задним числом придумывает: брак - угнетение, целомудрие - репрессия, дети - проект по желанию, религия - тюрьма и отсталость.

Проблема не в том, что каждый неверующий ленив или аморален. Но нужно смотреть на проблему в целом, охватывая большие числа. Либерализм, когда он отрывается от долга, священного смысла и ответственности, даёт человеку меньше причин выбирать дорогие блага вместо дешёвых удовольствий.

Он может долго жить на унаследованном нравственном капитале: на привычке к честности, закону, семье, труду и взаимному доверию. Но если корень уже не питается, через несколько поколений остаётся вопрос: почему всё это вообще нужно сохранять?

Он хорошо объясняет, почему человек никому ничего не должен. Гораздо хуже - почему он должен вставать ночью к ребёнку, стареть с одним человеком, заботиться о родителях и жертвовать удобством ради тех, кто ещё не родился.

4. Целомудрие: не ограниченность, а путь к силе

Целомудрие часто карикатурно представляют как зажатость. Целомудрие - не ненависть к желанию, а направление желания на полезный путь.

Секс без верности смещает людей в сторону потребительства. Свобода без ответственности превращает отношения в переговоры. Удовольствие без плода легко становится стимуляцией нервов и как-то поразительно часто приводит к бесплодности.

Цивилизация, которая отрывает сексуальность от создания семьи, постепенно производит не потомков, а рынки услуг. Она строит индустрию возбуждения но теряет отцовство и материнство.

Христианская сексуальная этика строга не потому, что презирает жизнь, а потому, что относится к жизни очень серьёзно. Желание - огонь. Огонь в очаге согревает дом. Огонь без очага сжигает дом.

5. Жертва как выигрышная стратегия

С точки зрения грубого эгоизма жертва выглядит глупостью. Зачем отдавать, если можно взять? Зачем хранить верность, если можно заменить? Зачем растить детей, если можно путешествовать, потрещать и никому не быть должным?

Но теория игр давно показывает: в повторяющихся отношениях выигрывают доверие, репутация и устойчивые союзы. Мартин Новак описывал механизмы эволюции сотрудничества: родственный отбор, прямую и косвенную взаимность, сетевую взаимность и групповой отбор.

Христианство усиливает почти все эти механизмы. Семья укрепляет родство. Приход и община тренируют взаимность. Репутация честного и милостивого человека повышает доверие. Сеть семей, школ, монастырей, больниц и благотворительных организаций создаёт ткань общества.

Написано:..вера без дел мертва (Иак. 2:17). Это не только духовная, но и культурная истина. Вера, не воплощённая в привычках и поступках, становится воспоминанием.

Христианская жертва - дорогой сигнал любви. Верность в браке, воспитание детей, забота о больных, милость, отказ предавать, исповедь и прощение невозможно подделывать. Они показывают: любовь реальна.

6. Любовь как сила.

Современная культура часто путает любовь с эмоциональностью. Любовью называют то, что тешит самолюбие и не требует боли. Христианская любовь строже.

«Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет своего» (1 Кор. 13:4-5). Это не открытка. Это дисциплина.

Любовь дает силы матери вставать ночью к ребёнку. Удерживает мужа от предательства. Ведёт добровольца к больным, священника к умирающим, солдата к границе.

Культура, которая смеётся над жертвой, живёт за счёт тех, кто ещё жертвует. Бездельник пользуется дорогами, построенными дисциплинированными. Индивидуалист наслаждается

безопасностью, купленной солдатами. Бездетный потребитель наследует институты, созданные семьями.

Мягкая эпоха проедает капитал жёстких добродетелей.

7. Землю защищают не только армией

Землю защищают не только оружием. Её защищают населением и народом, своей культурой, местом, где внуки говорят на том же языке.

Христианство связывает воедино землю, дом, тело, память, совесть и вечность. Оно учит, что ближний является творением бога, а потому и ценен сам по себе.

Страна может иметь высокий ВВП, университеты, музеи и правовые институты. Но если её люди больше не хотят передавать жизнь, всё это становится великолепной оболочкой без будущего.

Цивилизация умирает не только тогда, когда враги входят в её ворота. Она умирает и тогда, когда её собственные дети перестают рождаться. Когда она теряет волю к жизни.

8. Русский вопрос: деревня и город.

Для нас этот вопрос имеет особую боль. В православной и вообще христианской жизни человек долго был связан с землёй, природным ритмом, семьёй, трудом и памятью предков.

В природе легче увидеть след Творца, чем в мире экранов и бетонных башен. Это не значит, что город всегда зло. Город дал развитие. Но современный город усилил одиночество, поздние браки, потребление и усталость.

Не нужно романтизировать бедность и тяжёлый быт. Но нельзя и верить, будто высотки и торговые центры сделали человека счастливее и жизнеспособнее. Если городская цивилизация стала блестящей, образованной и бесплодной, значит, она выиграла во влостепенном и проиграла в главном.

Русская история запрещает презирать народ как «тёмную массу». Крестьяне, простые семьи, солдаты, матери, ремесленники и приходские общины были не материалом и не чернью, а кровью цивилизации.

Победа над Наполеоном была не только победой генералов. Это была победа народной выносливости и готовности защищать землю. Наполеон был гениален. Но гений без народа, готового нести жертву, не удерживает победу.

Народ - кровь цивилизации. Таланты и индивидуалисты - её мозг. Мозг бесценен, но он не живёт без крови. Нация без гениев будет беднее и медленнее, но жива; гении без народа быстро становятся экспонатами в чужом музее.

9. Культура как красота, но и как жизнеспособность

Культуру нельзя судить только по эстетике. Декаданс тоже может быть красивым. Упадок умеет быть тонким, изящным, образованным и музыкальным.

Но культура проверяется не только красотой формы. Она проверяется тем, к чему она ведет.

Русская религиозная культура привлекательна не только иконами, храмами и песнопениями. В ней есть красота подвига: матери, поднимающей детей; крестьянина, несущего тяжёлый труд; солдата, защищающего землю; монаха, молящегося за мир; семьи, которая живёт не только ради удовольствия, а ради продолжения жизни.

Эстетика без плодородия может стать дорогой упаковкой пустоты. Подвиг без эстетики может быть грубоват, но он держит жизнь. Лучшее - соединить красоту, истину и жизнь.

10. Наука и вера: Петровские реформы.

Русский ответ не должен быть антинаучным. Ошибкой было бы уходить в затворничество, презрение к технике и страх перед знанием. Мир слишком сложен, чтобы защищать народ одной памятью.

Пётр I показал болезненный, но важный путь: учиться у мира, не для того чтобы раствориться в нём, а чтобы создать своё. России не нужно выбирать между Востоком и Западом. Ей нужен синтез.

Вера даёт цель, нравственную дисциплину, смысл семьи и жертвы. Наука даёт медицину, инженерию, организацию, оружие, связь, производство. Дух без ума слепнет. Ум без духа начинает служить удобству и тщеславию.

Национальная задача России - не вернуться в музей прошлого. Задача глубже: соединить христианское ядро, научную силу, семью, труд, образование и государственную ответственность в одно целое.

11. Миграция и культура.

Есть ещё один глобальный вопрос - миграция. Если приезжие сообщества имеют более высокую рождаемость, а принимающая культура теряет веру в себя, возникает не только демографический, но и культурный вопрос: кто кого воспитывает?

Ответом не должна быть ненависть. Нужна сильная культура, способная интегрировать, притягивать, воспитывать и задавать нормы.

Россия не укрепитя, если просто заполнит демографические пустоты людьми, не принимающими её язык, память, нормы и историческую судьбу. Но она может укрепиться, если её культура будет достаточно сильной, чтобы превращать пришедших в участников общего дома, а не в параллельные племена.

Для этого нужна не только полиция и не только экономика. Нужна привлекательная русская культура: семья, язык, труд, христианская совесть, уважение к законам, память о жертве и чувство принадлежности к стране. Нужна своя сила.

12. Плоды церквей

Критерий плодов применим и к самой церкви. Чем ближе отдельные священники ко Христу, Писанию, покаянию, целомудрию, семье, милости и личному преображению, - тем больше за ними последует людей.

Плоды видны не только в словах. Они видны в семьях, детях, трезвости, честности, взаимопомощи, в характере, способности прощать и служить.

Например, в Европе церковь сохраняет религиозную вывеску, но принимает антропологию либерального индивидуализма, её плоды часто становятся такими же, как у секулярной культуры: одиночество, размывание семьи, нравственная неопределённость и демографическое угасание.

То же касается и публичных критиков религии. Если они грубо судят христианство по его плодам, их собственное мировоззрение тоже может быть рассмотрено по плодам. Не как личная травля, а как честная симметрия. Публичная философия должна отвечать не только за остроумие, но и за тип жизни, который она производит.

Если культура рождает блестящих одиночек, но не рождает семей, наследников и устойчивых общин, её блеск теряет привлекательность.

13. Честность

Аргумент должен быть честным. Высокая рождаемость не доказывает религиозной истины. Биологический успех - не святость и не истина.

Но они являются свидетельством. Если учение направляет человека, мы должны ожидать, что оно будет чаще проводить жизнь, доверие, самоограничение и устойчивые институты, чем учения, построенные на ошибках и ложной философии.

Апостол Павел говорит о плодах Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5:22-23). Это не только набожность. Это ткань, соединяющая мир.

Надо также признать, что центре христианства стоит не племя, не нация и не цивилизационная, а Христос. Разбойник на кресте не имел успеха, достижений. Но он обратился ко Христу - и был принят.

Христос принимает слабого не для того, чтобы освятить слабость как идеал. Он поднимает слабого. Восстанавливает совесть. Учит любви, ответственности и плодотворности.

14. Покаянное возвращение

Возвращение к христианству не может быть самодовольным. Христианская история знает провалы и примеры гордости и суеверий.

Эти провалы нельзя прятать, их надо анализировать, исследовать, чтобы не допустить повторения.

Поэтому возвращение должно быть покаянным, не только для отдельного человека, но для всех. Не только крест на флаге, но и крест в сердце.

Вопрос не в том, всегда ли христиане были верны христианству. Не всегда. Вопрос в том, может ли наш мир отбросить мораль и культуру, которая в лучшем виде формировала семьи, милость, совесть и мужество, - и есть ли рядом что-то столь же сильное, чтобы её заменить.

Заключение

Если видеть в человеке только автономного индивида, христианство кажется тяжёлым: слишком много долга, воздержания, бессмысленных ограничений.

Но если видеть в человеке звено между поколениями, носителя памяти, существо, призванное любить и передавать жизнь, христианство не выглядит угнетением. Оно выглядит архитектурой и путем цивилизации.

Оно говорит человеку: твоя свобода должна стать плодотворной. Любовь - верной. Тело - частью завета. Дом - школой милости и характера. Вера - не мнением, а образом жизни.

Можно спорить о чудесах, догматах, церковной истории и богословских формулах. Но одного вопроса не избежать: какие плоды приносит учение?

Если оно приносит одиночество, стерильность, обиду и культурное истощение, оно может быть модным, но очень слабым. Если оно приносит семьи, мужество, милость, детей, рост, даже скептик должен задуматься.

Христианство истинно не потому, что оно полезно. Оно полезно потому, что содержит глубокую истину о человеке: человек живёт наиболее полно не тогда, когда забирает всё себе, а тогда, когда посвящает свою жизнь Богу и другим.

Христос сказал: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, принесёт много плода (Ин. 12:24). Это не только мистика, это закон жизни.

Вопрос не в том, удобно ли христианство современному человеку. Вопрос в том, может ли современный русский, а потом и европейский человек выжить без тех истин, которые христианство веками учило его любить.

России не нужен выбор между прошлым и будущим. Ей нужен синтез веры, семья, наука и культуры.